

Ф. П. ФИЛИН

ДРЕВНЕРУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЗОНЫ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Настоящая статья представляет собой краткое изложение основных положений подготовленной мною к печати книги, посвященной происхождению восточнославянских языков.

Главное внимание в этой книге уделяется обнаружению локальных языковых явлений, доставшихся в наследство восточнославянскому (древнерусскому) языку от древней общеславянской эпохи и возникавших в самом этом языке на разных стадиях его развития. В результате накопления локальных языковых особенностей, их распределения и перераспределения складываются основы отдельных восточнославянских языков, отличных друг от друга своеобразных языковых систем. Автор вполне отдает себе отчет в том, что реконструкции древних диалектизмов, их территориального распространения и хронологии (особенно хронологии абсолютной), по-видимому, всегда будут иметь относительную истинность, поскольку существующие в этой области трудности вряд ли можно преодолеть до конца. Специалист по древнерусской диалектологии должен быть всегда готов к тому, что его территориально-хронологические определения во многом будут оспариваться, исправляться или даже отвергаться другими исследователями. Однако, на наш взгляд, наличие значительного количества диалектных расхождений как в древнем общеславянском, так и в древнерусском языке является несомненным фактом. Отрицание этого факта является либо данью устаревшей традиции, установившейся со времен Шлейхера, либо недоразумением. В то же время следует заметить, что развитие диалектных расхождений вовсе не исключает объединительных языковых тенденций как в эпоху родового строя, так и в феодальное время. Относительное единство древнерусского языка эпохи разложения родового строя и перехода к феодальному обществу несомненно. Это единство поддерживалось разного рода экстралингвистическими обстоятельствами: отсутствием теорриториальной разобщенности среди восточнославянских племен, а позже отсутствием устойчивых границ между феодальными владениями; развитием надплеменного языка устной народной поэзии, тесно связанного с языком религиозных культов, распространенных на всей восточнославянской территории; возникновением зачатков публичной речи, звучавшей при заключении межплеменных договоров и судопроизводстве по законам обычного права (нашедших частичное свое отражение в «Русской Правде») и т. п. Резких этноязыковых прерывностей у восточных славян никогда не было. «Процессы создания обобщенных типов речи не только в национальную, но и в донациональные эпохи имели в конечном счете определяющее и решающее значение для языковой истории, потому что именно через них осуществлялся прогресс в развитии форм речевого общения»¹. Сосуществование диалектной дифференциации и обобщенных

¹ А. В. Десницкая. К вопросу об историческом содержании понятия «диалект», сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970 [в печати].

типов речи — весьма распространенное явление в развитии языков позднего родового строя и феодального периода.

Принципиальное значение имеет понимание характера границ диалектных явлений в различные периоды их истории. В лингвистической литературе широко распространено мнение, согласно которому диалектные изоглоссы обычно совпадают с границами племен в родовом обществе и с границами феодальных земель в более позднее время. Такое понимание диалектных границ в общем соответствует представлению об иерархическом характере подразделения языка на четко противопоставленные диалекты (язык рельефно распадается на наречия, наречия, в свою очередь, на поднаречия, поднаречия — на диалекты, диалекты — на поддиалекты и говоры). Нет никакого сомнения в том, что установление племенных и феодальных границ внутри населения оказывает воздействие на развитие диалектных явлений и их группирование. Однако современная историческая диалектология показывает, что в разных конкретно-исторических условиях это воздействие дает неодинаковые результаты. Ниже мы увидим, что попытки установить иерархические соотношения между диалектами и четко очертить их границы наталкиваются на непреодолимые трудности. В диалектных явлениях нужно видеть только то, что в них есть. Вопреки этому диалектологи привыкли мерить диалектные группировки не лингвистическими мерами, а социально-географическими, затушевывая действительное распространение диалектных особенностей понятиями племени, феодальной земли, объединения феодальных княжеств и т. п., в результате чего знания о диалектном членении языка оказываются весьма поверхностными, приблизительными, условными. Совершенно правильно по этому поводу замечает А. В. Десницкая: «Нельзя отрицать того, что в некоторых случаях диалектные границы, выступающие на лингвистических картах в виде пучков изоглосс, действительно соответствуют границам существовавших некогда феодальных территорий. Однако в целом эта точка зрения нуждается в уточнениях и дополнениях. Ни современный уровень диалектологического изучения языков мира, ни соображения общесторического порядка, основанные на более углубленном исследовании особенностей и вариантов организации феодального общества, не позволяют уже исходить из вышеизложенной теории при определении общих характерных признаков языковых отношений феодального строя. Недостаток этой теории и состоит в том, что ею выдвигается в качестве универсального лишь один из возможных при феодализме типов развития диалектных явлений. Такой подход не встречает поддержки ни в фактах социальной истории, ни в фактах истории языков»².

Далеко не во всех странах существовала феодальная раздробленность с более или менее постоянными границами между отдельными княжествами, да и в тех странах Западной Европы, где была такая раздробленность, нередко очень рано возникала бюрократическая централизованная власть, стиравшая внутренние политические границы (Франция и некоторые другие государства). Во многих странах вообще не было устойчивых рубежей феодальных княжеств, границы между локальными политическими объединениями постоянно изменялись и не могли служить сколько-нибудь серьезным препятствием для общения населения разных мест, для разного рода передвижений населения. Население концентрировалось вокруг локальных культурно-хозяйственных центров, которые на протяжении веков не один раз могли перемещаться, разные его группы держали связь между собой по речным и иным торговым путям и т. п. В частности, так обстояло

² А. В. Десницкая, К вопросу об историческом содержании понятия «диалект».

дело в Древней Руси. Естественно поэтому, что всякого рода локальные языковые инновации в своем распространении не образовывали единых и устойчивых границ. Эти инновации образовывали многочисленные зоны, границы которых самым сложным образом перекрещивались. Внутри древнерусского языка создавалась лингвистическая непрерывность. Диалектные различия между отдельными местностями выражались в постоянном накоплении локальных языковых признаков. К этому следует прибавить наличие остаточных диалектных зон эпохи родоплеменного строя, часто значительно видоизмененных, что еще больше усложняет общую картину изоглосс.

А. В. Десницкая справедливо пишет: «Что касается диалектных различий русского языка, то хотя тезис об их исторической соотнесенности с территориальной раздробленностью феодальной эпохи и считается общепринятым, он до сих пор, однако, остается недоказанным», так как «нельзя не заметить, что в общем все же не удалось привязать границы диалектных единиц русского языка к границам существовавших некогда феодальных территорий»³.

Конкретно-историческое многообразие связей населения на территории распространения русского языка на протяжении ряда столетий определило сложность диалектного членения, отражаемого лингвистическими картами. «Эта сложность явно не укладывается в принятую до сих пор классификацию наречий и говоров, признаки которых ложатся на карты в виде сложной сети перекрещивающихся и перекрещивающих одна другую изоглосс»⁴. То же самое можно сказать и о диалектном членении украинского и белорусского языков.

Надо полагать, что каждое племя эпохи классического родового строя имело свой диалект, свою особую языковую систему. Исходя из этой посылки, можно считать, что и древний общеславянский язык распадался в это время на ряд племенных диалектов. Однако и в самое раннее время жизни славян нельзя себе представлять эти диалекты как замкнутые единицы с резко очерченными границами. Древние славянские племенные диалекты имели общую языковую основу и находились в постоянном взаимодействии друг с другом и с соседними языками на протяжении многих веков. Чем родственней диалекты, тем больше имеется возможностей у языковых инноваций пересекать в своем распространении племенные границы. Картина лингвистических изоглосс становится еще более сложной, когда родовое общество начинает разлагаться. В это время происходит интенсивная перегруппировка племен, создаются и распадаются племенные союзы. Нам ничего не известно (если не считать весьма шатких предположений некоторых исследователей) о диалектном членении древнего общеславянского языка времени классического рода. Самые ранние внутриславянские лингвистические изоглоссы, которые допускают свою реконструкцию, возникли в эпоху распада родового общества и расселения славянства на обширных территориях. Бросается в глаза, что древнейшие более или менее известные нам внутриславянские изоглоссы очерчивают не границы отдельных племен, а большие территории, не совпадающие с племенными землями. Так, по данным лексики прослеживается обширная северославянская зона, причем пучки лексических изоглосс не совпадают друг с другом, то отступая на востоке и юго-западе, то, наоборот, продвигаясь далеко вперед. Намечаются также юго-восточная, южная, восточная и другие зоны. Древнейшие фонетические и морфологические диалектные явления

³ Там же.

⁴ Там же.

большую часть разделяют славянскую территорию на две противопоставленные области, причем границы зон отдельных особенностей совершенно не совпадают друг с другом⁵.

Примерно с VII в. н. э. славянские племена, расселившиеся восточнее Карпат и Западного Буга, обособляются от остальной части славянства. Это привело к возникновению в их диалектах ряда инноваций, которые составили специфику складывавшегося в это время языка восточных славян⁶. Восточнославянский (древнерусский) бесписьменный язык имел сложное диалектное членение, которое возникало из унаследованных и сохранившихся (вероятно, в измененном виде) от праславянской эпохи диалектных зон, по происхождению более древних, чем сам этот язык, и из локальных инноваций, возникших уже в эпоху существования восточного славянства. Из древнерусских летописей и других источников нам известны восточнославянские племена кануна образования древнерусского государства и начальной эпохи его жизни.

Естественно, нас интересует прежде всего возможность увязки диалектных границ древнерусского языка первых столетий его развития с границами летописных племен. Попытки увязать эти границы предпринимались еще в прошлом столетии (П. А. Лавровский, А. И. Соболевский и др.). Однако эти попытки не имели успеха. Можно еще с какой-то степенью достоверности говорить о некоторых лингвистических особенностях кривичей и словен, но чем полнее отличались в языковом отношении от древлян или северян, радимичи от дреговичей, тиверцы от уличей и т. д. и т. п., остается для нас загадкой. То ли эпоха феодализма почти начисто стерла диалектные границы отдельных племен, то ли этих границ не было вообще. Несмотря на значительные успехи восточнославянской археологии и истории, мы не знаем, из каких более древних этнических единиц образовались эти племена, как долго они существовали и насколько они были устойчивы. Высказываются предположения, что по крайней мере некоторые из этих племен были в сущности не племенами, а племенными союзами, что летописец перечислил не все реально существовавшие племена (дошедшая до нас летописная запись о племенах относится к началу XII в., когда племен уже не было и о них сохранились лишь воспоминания). Древнерусские племена находились в состоянии ближайшего родства, они были связаны друг с другом разветвленной сетью речных путей, поэтому они должны были иметь большие возможности диалектного взаимодействия и широкого распространения языковых изменений.

Все слависты, занимавшиеся проблемой древнерусских диалектов, выделяли не узко племенные единицы, а обширные диалектные территории. А. А. Шахматов делил древнерусскую языковую территорию на севернорусское, восточнорусское (или среднерусское) наречия, Т. Лер-Сплавинский, Н. С. Трубецкой, Р. И. Аванесов и другие — на северное и южное наречия, Ю. Шерх (Шевелев) выделяет киевско-полюсскую, галицко-подольскую (юго-западную), полоцко-рязанскую и новгородско-суздальскую (севернорусскую) диалектные группы и т. д. Необходимость выделения крупных диалектных территорий диктовалась не только состоянием восточнославянской исторической диалектологии, но и фактическим положением дела — диалектные границы каждого отдельного племени не удавалось обнаружить.

Указанные диалектные реконструкции имеют два существенных недостатка: 1) они опираются лишь на немногие признаки фонетических раз-

⁵ Ф. П. Филин, Образование языка восточных славян, М.—Л., 1962, стр. 152—223.

⁶ Там же, стр. 223—292.

личий, вовсе не исчерпывающие диалектного разнообразия древнерусского языка; 2) в теоретическом отношении они исходят из предвзятой мысли иерархического членения исходного праязыка, что предполагает наличие диалектов или диалектных групп (наречий) с более или менее четкими границами между ними. На самом же деле таких монолитных диалектных единиц в древнерусскую эпоху не существовало. Разного рода изогlossы обычно не совпадали друг с другом, пересекая восточнославянскую территорию в разных направлениях. Если даже предложенные нами в указанной книге реконструкции не выдержат испытания временем и будут заменены другими, от этого, как мы полагаем, общая картина диалектного состояния древнерусского языка мало в чем изменится. Древнейшие изогlossы возникали в разные периоды, причем в позднее время они подверглись серьезным изменениям.

Архаические рудименты *kv'*-, *gv'*-, *chv'*- (*квет*, *гвегада*, *хвист* и пр.) на современной восточнославянской территории постепенно убывают по направлению с запада на восток, а на Украине с севера на юг. Мы не знаем, где проходила граница распространения этого явления в эпоху древнерусских племен, но можно предположить, что его ареал был продолжением славянского запада. Если верно истолковываются *кежъ* «цеж», *кевка* «цевка», *кеп* «цеп» и пр. как показатели отсутствия второго смягчения заднеязычных согласных, то ареал этого архаизма располагался на восточнославянском севере. Судя по данным древненовгородской письменности, формы *вхе* (= *всь*), *къ въхемо*, *въхыхъ* указывают, что древнее праславянское **vъchъ*, на остальной территории в результате смягчения изменившееся в *всь*, сохранялось на крайнем севере восточнославянского мира. Сохранение сочетаний *dl*, *tl*, изменившихся затем в *gl*, *kl*, надо отнести к древнему восточнославянскому северо-западу, по этой черте и по некоторым другим включившемуся в обширный балтийский языковой союз. То же можно сказать о полном и частичном (цоканье) совпадении пилящих и свистящих, территория которого, однако, была значительно шире ареала *dl*, *tl* (> *gl*, *kl*). Совершенно по-иному расположилось аканье (если верна наша гипотеза о его возникновении примерно в VII—VIII вв.), занявшее центральную полосу восточнославянских земель. Изменение взрывного *g* в фриктивный *γ* составило в свое время центральнославянский диалектный ареал, следовательно, оно вначале появилось на восточнославянском юго-западе и лишь позже продвинулось на север (Белоруссия, а затем южная Псковщина и прилегающие к ней земли) и северо-восток (до Оки).

Географически сложную картину представляют древние грамматические изогlossы. Разрушение основ склонения на *й*, начавшееся значительно раньше возникновения письменности, протекало неравномерно. Замена формы им. падежа ед. числа формой вин. падежа (*свекръвъ*, *ятръвъ* вместо *свекры*, *ятры*), можно полагать, шла с запада на восток и с юга на север. Форма *свекры* оказалась устойчивой в говорах бассейна Оки и Дона, однако мы не можем утверждать, что в эпоху племенного строя она была характерна только для диалекта вятичей (она, всего вероятнее, была распространена шире). Вариант личного местоимения 1-го лица ед. числа *я*, употреблявшийся наряду с *язъ*, не был известен на северо-востоке восточнославянских земель, где до XV—XVI вв. была известна только форма *язъ*. Наличие глагольных форм 3-го лица настоящего-будущего времени с окончанием *-t* и без окончания *-t* относится к древней общеславянской эпохе. Правила употребления обоих вариантов, представляющие собою разные типы в современных говорах, вероятно, были не во всем одинаковы и в древнее время, хотя восстановить их древнее исходное состояние пока не представляется возможности. Были, однако, и зоны исключительного упот-

ребления *-t-*. В древнерусской северо-восточной письменности нашли свое отражение говоры, знавшие только форму с *-t-*. Для северо-востока также было характерно исключительное употребление формы 1-го лица мн. числа настоящего-будущего времени *-мъ*, тогда как в других местностях наряду с этой господствующей формой были известны также и другие: *-мо*, известное на всей остальной восточнославянской территории, и *-ме* на северо-западе. На крайнем северо-западе была распространена форма им. падежа мн. числа личного местоимения *мы* «мы», происхождение которой (если прав С. Ф. Самойленко) относится к праславянской древности. Безусловный интерес представляет локализация синтаксической конструкции *пить вода*, которая, начиная с ранних памятников письменности, была хорошо представлена на севере и постепенно затухала к югу. По-видимому, в языке южных восточнославянских племен ее вовсе не было или она была неактуальна. Специфичным только для юго-запада был союз *a* в чисто соединительном значении. Союз *та* был обычен на юге и нехарактерен для севера.

Многочисленны и разнообразны были древние лексические изоглоссы. Нами обнаружено около ста десяти лексических диалектизмов ранней поры жизни восточного славянства, относящихся к самым различным понятийным сферам, но их было, несомненно, значительно больше. И лексические изоглоссы представляют собой сетку переплетающихся линий, в которой трудно усмотреть четкие границы восточнославянских племен или монолитные диалектные массивы. Если такие слова, как *багно* «грязь, топь, болото», *(о)болонь(е)* «низменный луг, выпас» и пр., *глей* «ил, глина», *пуца* «большой лес» и др., делят восточнославянскую территорию на юго-запад и северо-восток (при несовпадении их изоглоссы ни друг с другом, ни с границами современных восточнославянских наций), то *буй* «возвышенное место», *възвод(ь)* «подъем воды в реке вследствие сильного ветра», *голомя* «открытое водное пространство», *губа* «залив», *рьль* «заливной луг», *пожыня* «сенокосный участок» и пр., каждое по-своему выделяя север и северо-запад; *рънь* «крупный речной песок», *лѣпнѣкъ* «род цветка», *черевикъ* «башмак» и др. — юг; *дѣль* «гребень горы», *полонина* «горное пастбище», *рупа* «яма, пещера» очерчивают крайний юго-запад (Прикарпатье); *зерема* «поселение бобров» — одновременно юго-запад и северо-запад; *волмина* «живой кустарник» — только повгородский север; *вълна* «шерсть» — весь юг и центр (Украина, Белоруссия, современные южновеликорусские и частично средневеликорусские области) и т. д. и т. п.

В общем, древние изоглоссы пересекают восточнославянские земли как в широтном и меридиональном, так и в других направлениях, и мы напрасно пытались бы конструировать из них четко выраженные диалекты, наречия и поднаречия. Реально существовали зоны отдельных диалектных явлений, которые, может быть, лишь местами образовывали группы совпадающих зон. Это, конечно, не означает, что древние говоры различных местностей отличались друг от друга только отдельными, разрозненными особенностями. Каждый говор, несомненно, представлял собой диалектную систему, в основе которой был единый язык древнерусской народности. Диалектное отличие одного отдаленного района от другого нарастало постепенно. Можно с уверенностью сказать, что поляне и словене замечали друг у друга языковые особенности, как древляне при случае могли замечать, что вятичи говорят несколько иначе, чем они сами. Племена и племенные союзы возникали и распадались, географическая их конфигурация постоянно изменялась, имели место неоднократные передвижения населения и колонизация новых земель. При такой относительной этногеографической текучести вряд ли можно было ожидать образования монолитных диалектных массивов.

Важно также отметить, что в эпоху восточнославянских племен и образования древнерусского государства не было еще и зачатков исторически хорошо засвидетельствованных русского, украинского и белорусского языков. До их возникновения было еще далеко, хотя отдельные элементы древней диалектной речи впоследствии вошли в их структуру. Существовал единый язык восточнославянской (древнерусской) народности, который в разных местностях имел диалектные своеобразия. Как следует из всего вышеизложенного, нет фактических оснований говорить о членении древнерусского языка на два или на три четко противопоставленных диалектных массива.

После образования древнерусского государства и с развитием феодальных отношений диалектные различия усиливаются. Старое племенное членение исчезает, возникают феодальные княжества, которые на первых порах объединяются центральным управлением из Киева, а после утраты им роли древнерусского столичного города отъезжаются от центрального ядра. Особо выделяются галицко-волынские, киевские, черниговские, владимиро-суздальские, пинско-туровское, смоленско-полоцкие и новгородско-псковские земли, однако их географические очертания и значимость постоянно изменяются. Происходит заселение новых пространств (прежде всего на северо-востоке), процессы ассимиляции неславянского этноса (финно-угорского, балтийского, тюркского и, вероятно, отчасти иранского), передвижения населения в разных направлениях (по Днепру, из Среднего Поднепровья в Поочье и т. п.). Значительные изменения, в частности перемещения населения, были вызваны нашествием монголо-татарских орд в XIII в. При этом на Руси не было замкнутых феодальных княжеств, которые существовали бы столетия (как это было в некоторых странах Европы, например в Германии). Особую роль сыграли литовско-польские завоевания, на длительное время обособившие восточнославянский юго-запад от северо-востока, но об этом ниже.

Все эти чрезвычайно значительные исторические события не могли не сказаться на развитии языка. Сложились благоприятные условия для более интенсивного возникновения диалектизмов, но в то же время для образования устойчивых диалектов с ограничивающими их густыми пучками более или менее совпадающих друг с другом изоглосс обстановка была мало подходящей.

Ряд диалектных явлений разных языковых уровней возник, как мы полагаем, еще до падения редуцированных гласных. Примерно в XI—XII вв. на юго-западе древняя интонационная система сменяется новой (возникло экспираторное ударение), тогда как на северо-востоке в это время (до XIII в.) сохранялась старая система, в процессе разрушения которой образовалось противопоставление в определенных позициях *о* (открытый гласный) и *ѵ* (закрытый). Особняком выделялась смоленско-полоцкая зона, где это противопоставление не получило развития. Несколько зон (новгородская, смоленско-полоцкая, ростовско-суздальская, пинско-туровская и др.) наметилось в произношении вариантов *ѣ* (различного происхождения). В большинстве южных говоров еще в XI в. началось совпадение гласных *ы* и *и*, которое позже стало закономерным, хотя варианты их в разных местностях во всех или некоторых позициях были неодинаковыми и география их была сложной. Примерно в XI в. на юге возникает изменение гласного *е* в *о* после шипящих и *й*, тогда как в других говорах это изменение происходит позже в процессе развития противопоставления твердости и мягкости согласных. В XII—XIII вв. складываются следующие зоны изменения *е*: 1) южная (*е* > *о* после шипящих и *й* независимо от ударения), 2) западная (*е* > *о* после мягких и смягченных согласных под ударением), 3) северная и северо-восточная (*е* > *о* после тех же согласных под ударением).

повсеместно, а в неударяемом положении лишь в части говоров), 4) приоксковерхнедонская (сохранение *e* во всех позициях), 5) прикарпатская (сохранение *e* во всех позициях). Впоследствии указанные зоны претерпевают различные изменения. Примеры географического разнообразия фонетических диалектизмов можно было бы продолжить.

Рост количества диалектизмов в фонетической системе древнерусского языка особенно усилился после (и вследствие) падения редуцированных гласных, но характер географического распространения диалектных инноваций мало в чем изменился. То же можно сказать и о ранних грамматических изменениях, а также и о лексике, т. е. о всех локальных вариациях восточнославянской языковой системы в целом.

Уже в памятниках XI—XII вв. наблюдается заметный сдвиг в употреблении окончания дат. падежа ед. числа имен существительных муж. рода *-ови*, *-еви*: в новгородской письменности оно употребляется гораздо реже, чем в киевской. Позже *-ови*, *-еви* совсем исчезают на севере, причем граница их употребления в течение нескольких столетий отодвигается постепенно на юг. По крайней мере с XI в. на новгородском севере начинается обобщение основ склонения на согласные *г, к, х*, затем распространившееся на всю великорусскую территорию. С XI в. на северо-востоке начинается падение звательных форм, причем на северо-западе (включая смоленско-полоцкие земли) звательная форма на *-е* стала употребляться в значении им. падежа.

В XI в. (а может быть и раньше) особый ареал образует на севере причастная форма прошедшего времени на *-ле*, происхождение которой до сих пор удовлетворительно не объяснено. С XIII в. оформляются три обширных зоны формы глаголов 3-го лица настоящего-будущего времени с их частными подразделениями: 1) северная (преимущественное употребление *-т*), 2) центральная (сосуществование форм *-ть* и без *-ть*), 3) юго-западная (наличие в разных вариациях форм *-ть*, *-т* и без *-т*).

Надо полагать, довольно разнообразные изоглоссы возникали и в локальных лексических инновациях ранней феодальной поры: ср. *вячьший* «знатный» (новгородский север), *одърьнь* «совсем, сполна» (северо-восток), *рамень* «опушка леса» (север и центр), *лѣтний* (в новых значениях — юго-запад) и т. д. и т. п.

Новые (для древнерусского периода) диалектные изоглоссы накладывались на изоглоссы древнего происхождения, так что общая картина диалектного членения древнерусского языка была очень сложной. Говоря об этой сложности, мы вовсе не отрицаем возможности совпадения отдельных изоглосс с племенными и тем более феодальными границами. Такие совпадения должны были быть и их, по-видимому, можно будет обнаружить (частично они предположительно уже обнаруживаются), однако они являются исключением, а не общим правилом.

Современные восточнославянские языки возникают не на базе племенных подразделений и феодальных княжеств. Восточнославянское население, занявшее обширные пространства, постепенно раздвигалось на крупные территориально-этнические массивы, образование которых во многом остается еще неясным и является объектом всякого рода догадок. Вместе с тем происходит накопление на этих территориях локальных языковых особенностей и ослабление, а затем и почти полное прекращение общих всему древнерусскому языку новообразований. Уже падение редуцированных гласных, имевшее место в XII — первой половине XIII в. и охватившее все восточнославянские говоры (как и, — правда, в разное время, — все славянские языки), дало в разных местностях во многих отношениях неодинаковые результаты. Независимое образование в разных районах диалектных инноваций при ослаблении и тем более отсутствии еди-

ных изменений является началом распада языка: на генетически общей основе пласт за пластом нарастают локальные различия, которые если не разрушают, то во всяком случае затрудняют взаимопонимание. Н. С. Трубецкой особое значение придавал росту различий в словаре и в семантике лексем. Он был прав, поскольку основное содержание языковой информации заключается в значениях слов: одно количество слов и возможных их сочетаний дает неизмеримо больше, чем вся совокупность фонетико-фонологических и грамматических явлений. Можно считать установленным, что в лексике восточнославянских языков, несмотря на сохранение между ними близкородственных отношений, имеются сотни тысяч различий в словаре и в значениях слов. Уже в XIV—XV вв. наметились лексико-семантические различия в языке северо-восточных, западных и южных памятников, хотя на юго-западе в это время был распространен общий для этой территории язык деловой письменности. В XIV—XV вв. получают широкое распространение особенности, характерные для русского, украинского и белорусского языков. Эти особенности многократно описывались в лингвистической литературе, хотя их исследование (особенно в области словообразования, синтаксиса и лексики) не завершено или даже только начато. Ср. рефлексy *ŷ* и *i* в русском, украинском и белорусском, совпадение *ы* и *i* в украинском, отверждение согласных перед *e* и *i* в украинском, дзеканье и цеканье, отверждение *p* во всех позициях в белорусском, возникновение окончаний *-ово*, *-ево*, исчезновение звательных форм в русском и т. д., и т. п.

Явления, специфические для каждого восточнославянского языка, продолжали нарастать и в более позднее время, не прекратился этот процесс и в наши дни (прежде всего в лексике и словообразовании). Например, характерное для русского языка окончание *-а* в им. -вин. падеже мн. числа существительных муж. рода в XIV—XV вв. было представлено лишь единичными примерами, оно редко встречается и в XVI—XVII вв. Заметный рост числа слов с этим окончанием, начавшийся лишь в XVIII—XIX вв., продолжается по сей день. Иными словами, распад древнерусского языка и сложение на его базе восточнославянских языков — не кратковременный акт языкового развития, а длительный исторический процесс.

Возникнув и обособившись, русский и белорусский языки сохранили заметные следы иных лингвистических делений восточнославянской территории, предшествовавших их образованию, а также оказывали и оказывают влияние друг на друга. Имеется немало древних изоглосс, не совпадающих с современными границами языков (ср. аканье, распространение билабиального *w* и его замен, цоканье и т. п.). В XIV—XVII вв. значительному белорусскому воздействию подверглись южнопосковские и другие северо-западные и западные говоры. Между русским и белорусским языками образовалась широкая полоса переходных говоров, поэтому какой-либо четкой территориальной границы, отделяющей эти языки, не существует. Диалектологи давно уже отмечали известную близость между белорусским языком и южновеликорусскими говорами. Значительная (если не большая) часть особенностей, образующих эту близость, возникла в XIV—XVII вв. Более определенной является граница между русским и украинским языками, которые больше противопоставлены друг другу (белорусский язык занимает в группе восточнославянских языков срединное положение). Однако различия между русским и украинским языками не настолько велики, чтобы служить непреодолимым препятствием для взаимопроникновения на диалектном уровне фонетических, грамматических и тем более лексических явлений. На территории Белгородской, Воронежской, Брянской и некоторых других южновеликорусских областей

имеются русские говоры с украинскими чертами. Наоборот, окраинные украинские говоры подверглись заметному русскому влиянию (ср., например, акающие северноукраинские говоры).

Выше было сказано, что еще до возникновения восточнославянских языков существовали различные зоны диалектных явлений, образовавшиеся в разное время (частично еще в общеславянскую эпоху). Это означает, что начала современных наречий каждого из этих языков старше самих языков. Северновеликорусское и южновеликорусское наречия, также северноукраинское и южноукраинское, юго-западное и севернобелорусское наречия своими истоками восходят ко времени до XIV—XV вв. Однако, говоря о наречиях, мы не должны забывать об известной условности этого понятия. Диалектологи, выделяющие эти диалектные единицы, основываются на немногих и в значительной степени произвольно выбранных диалектных явлениях. В этом отношении не представляет собой исключения и последний опыт деления русского языка на наречия в книге «Русская диалектология» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. Особенно спорным в этой книге является расширение границ среднерусских говоров. Даже Новгород по их схеме оказывается окраинным пунктом среднерусской полосы — в частности потому, что в его современном говоре имеется интервокальный *j* и нет стяжения гласных (*делаат*, *делат* и т. п.), отсутствием которого северновеликорусское наречие противопоставлено южновеликорусскому. Между прочим, это явление известно и в ряде южновеликорусских говоров, так что оно не противопоставляет север югу. В указанной книге имеется богатый материал, указывающий на наличие в русском языке большого числа изоглосс, пересекающих русскую территорию в разных направлениях. Не случайно авторы широко пользуются понятием «диалектная зона», которую составляют изоглоссы нескольких отдельных явлений, причем хронология северновеликорусских и южновеликорусских противопоставленных особенностей и явлений, образующих зоны, остается неизвестной. Авторы сознательно устраняют из своего описания исторический аспект и стараются дать чисто синхронное деление русских говоров по признакам структурной противопоставленности или непротивопоставленности диалектных явлений. Конечно, такой метод изучения говоров правомерен и представляет определенный интерес. Все же главная задача диалектологии — исследование исторического прошлого локальных особенностей языка, их возникновения и развития. Как известно, в настоящее время диалекты разрушаются под мощным воздействием литературного языка, и сдвиги, происходящие в изоглоссах, носят сугубо временный характер. Синхронное и структурно-системное описание говоров в настоящее время должно отразить картину диалектного умирания, полнокровная жизнь говоров может свидетельствоваться документами прошлого и историко-лингвистическими реконструкциями.

Говоря о происхождении русского, украинского и белорусского языков, мы должны сказать о том, что позволяет называть их самостоятельными языками. Вряд ли можно найти четкие критерии различия между близкородственными языками и значительно расходящимися диалектами одного и того же языка, если учитываются только собственно лингвистические признаки. Северные и южные немецкие диалекты настолько разошлись в своем развитии, что их носители не понимают друг друга и общаются между собой только на литературном языке, но никто эти диалекты не считает отдельными языками. Примеров такого рода, когда отдельные диалекты одного и того же языка отличаются друг от друга значительно резче, чем восточнославянские языки, можно было бы привести много. При определении самостоятельности близкородственных языков нужно учитывать не только лингвистические, но и историко-культурные данные. В VIII—

X вв. северо-восточные восточнославянские племена отличались по языку от юго-западных больше, чем южная группа от западной. В XI—XII вв. север (Новгород) в языковом отношении также отличался от Киева больше, чем Киев от Турова и Пинска. Можно полагать, что этноязыковая картина восточного славянства была бы иной, если бы не грозные события XIII—XV вв. Северо-восточные и северные земли на двести пятьдесят лет подпадают под тяжкое монголо-татарское иго. Население этих земель спланивается в борьбе за свое существование. Возникают культурно-политические центры, развивающиеся независимо от потерявшего свою объединяющую роль Киева и других южных и западных городов. В XIV в. на передний план выходит Москва, которая постепенно становится столицей централизованного государства. Центробежные тенденции в политике, литературе, вообще в культуре не находят себе простора. Восточные славяне северо-востока проникаются сознанием своего внутреннего единства и общности. Возникает русская народность, а вместе с ней и ее собственный народный язык, начавший развиваться только по одному ему присущим внутренним законам.

Исторические события на юге и западе складываются по-иному. Западные земли подпадают под власть Литвы и становятся главной базой Русско-Литовского государства. Сильное Галицко-Волынское княжество какое-то время отстаивает свою независимость, но затем и оно становится добычей польских панов. Затем возник польско-литовский государственный союз, в котором решающую роль стала играть Польша. Юго-западные и северо-восточные славяне оказываются надолго разобщенными. В тяжелой борьбе за свою этнокультурную самобытность возникают две близкие друг другу народности: украинская и белорусская. У украинцев вновь начинает играть объединяющую роль разрушенный татарами Киев, у белоруссов поднимается Минск. Обязательным признаком народности является свой особый язык, каким бы он близким ни был и к другим родственным языкам. Образовавшийся до этого сложный комплекс диалектизмов у каждой восточнославянской народности возводится в ранг отличительных языковых признаков. Поздние инновации в основном получают свое распространение в пределах территории каждой народности, тем самым усиливая дифференциацию языков. В украинский и белорусский языки проникает много полонизмов (прежде всего в лексику и лексическую семантику).

События, приведшие к образованию отдельных восточнославянских народностей, сами по себе не вызвали возникновения тех или иных языковых явлений (за исключением определенных пластов лексики), но давали направление языковому развитию, были социальной базой реализации закономерностей, заложенных в самом языке. В конечном результате различия между восточнославянскими языками оказались гораздо более существенными, чем различия между любыми говорами в пределах каждого языка. Иными словами, начиная с XIII—XV вв. языковое различие между отдельными восточнославянскими территориями серьезно усиливается по сравнению с предшествующим временем.

В сложении восточнославянских языков большую роль сыграли своеобразия развития письменности, а в позднее время литературные языки стали определяющими факторами их существования, но об этом будет идти речь в особой книге. Все же нельзя не сказать несколько слов о дискуссии, которая ведется по поводу генетических основ русского литературного языка. Как известно, в этом вопросе были выдвинуты две противоположные друг другу гипотезы. С. П. Обнорский считал, что древнерусский литературный язык возник на народной основе вне всякой зависимости от старославянского языка и только лишь со времени так называемого вто-

рого южнославянского влияния подвергся «болгаризации» или «церковнославянизации». Нападки на гипотезу С. П. Обнорского оказались малоаргументированными, настоящего ее критического разбора, основанного на привлечении большого фактического материала, пока не имеется. Другую крайнюю точку зрения выдвинул Б. О. Унбегаун: он пошел дальше известной гипотезы А. А. Шахматова, полагая, что русский литературный язык является в своей основе старославянским (церковнославянским) не только по происхождению, но в некоторых своих сторонах (в синтаксисе и в значительной степени в лексике) остается старославянским и теперь. Эта гипотеза основывается скорее на общих соображениях, нежели на фактах. Для решения проблемы происхождения восточнославянских литературных языков нужны большие исследования с привлечением как данных письменности на всем протяжении ее истории, так и устных разновидностей речи с более или менее точными определениями, что нужно считать церковнославянизмами на всех уровнях языка и каков был их удельный вес в разные эпохи как в отдельных жанрах письменности, так и в языке обиходном. А пока что мы имеем дело со схемами, которые могут изменяться в зависимости от всякого рода обстоятельств.

Между прочим, автор данной статьи постоянно придерживался мнения, что старославянский язык играл существенную роль в возникновении и развитии русского (древнерусского) литературного языка во все эпохи. Что, однако, было ведущим, определяющим? Если ведущей стороной была старославянская стихия, остается непонятным, почему в конечном счете возникли особые восточнославянские языки, а не локальные разновидности старославянского языка, хотя общий источник у них один — язык древнерусской письменности XI—XIII вв. Самые характерные признаки, отличающие один восточнославянский язык от другого и литературные языки в том числе, начиная с XIII—XV вв. возникали в народно-языковой среде. Если бы не было известных исторических событий и развития диалектно-языковых особенностей, не было бы и самих восточнославянских языков, как близких, но все же особых языков. Не отрицая важной роли старославянской (церковнославянской) языковой стихии в развитии их литературных языков, особенно русского литературного языка, мы все же должны сказать, что главным творческим началом в их истории была народная речь, которая приспособливалась к себе, сама видоизменяясь, все и всяческие иноязычные влияния.
